

Н. М. Север

Федор Волков

Сказ о первом российского театра актере

Север Н. М. Федор Волков. Сказ о первом российского театра актере.
Ярославль, Кн. изд., 1961.
OCR Ловецкая Т.Ю.

Оглавление

Детство
Юность актера
Ярославские комедианты
Первый русского театра актер
"Торжествующая Минерва"

Примечания

Никогда не изгладится из памяти благодарных потомков имя Федора Григорьевича Волкова -- основателя русского национального театра. Многим нашим читателям, особенно его землякам-ярославцам, будет интересно познакомиться с новой книгой о великом актере.

В книге рассказывается о юности Ф. Г. Волкова, о первых шагах русского театра в Ярославле и Петербурге.

Повесть основана на большом документальном материале, в значительной части еще не известном широкому читателю. И, вместе с тем, это подлинно художественное произведение с интересными и своеобразными характерами героев. Сочный и образный язык повествования как бы воссоздает колорит той эпохи.

Николай Михайлович Север не первый раз обращается к своему любимому герою: ярославцам уже знакома пьеса Н. М. Севера "Федор Волков". Образ великого земляка близок автору, посвятившему большую часть жизни сценическому искусству. В настоящее время Николай Михайлович работает над пьесой о советской молодежи.

Детство

Там, где улица, вкось свернув проулком к Волге, уперлась в огороды, в черные баньки да амбарушки, стоял ладный с зеленой усадьбой дом отставного майора Чельшева. Славен был Чельшев тем, что при чине своем не брезговал народной потехой -- честным кулачным боем, что вела из года в год Нагорная сторона против Тверицы-слободы. Не было ему в том бою равного. Козьмодемьянской церкви поп Никита так и звал его -- Ослябей! Однако за потеху осуждал, хоть сам был всегдашним зрителем¹. Да вот... то ли весна до срока лед подточила, или с крещенских прорубей трещины дались и снежной заметью укрылись, только в бою качнулось все под ногами отважных бойцов, хлынула бог весть откуда черная вода, аж туман с нее к берегу пополз. Кто куда спасаться. У зрителей на берегу страх и ужас. Да что вспоминать! Восемь душ совсем не вернулись на берег, а боле чем за сорок мокрых да издрогших кое-как убрались от смерти. Выполз и майор. Побежали к целовальнику за водкой -- отогреть утопшего. Не помогло. Через три дня не стало на белом свете славного кулачника, и четыре года после этого Тверица-слобода брала верх над посадскими богатырями. Осталась вдова Настасья одна со своим женским горем. На третье лето, а шел тогда тысяча семьсот тридцать пятый год, отписала сестре своей, костромской купчихе, Матрене Волковой, тож постом похоронившей мужа, наказ: ехать к ней в Ярославль, коротать вместе горький бабий век.

Отцвели уже, осыпаясь белым цветом, яблонька и черемуха. Вечера стали поздними -- чуть ли не за полночь все заря да заря неугасимая.

В сумерках в проулок втянулись возки с Костромы. Из них вынули ребят -- один другого меньше, на руках у матери последний, Гришанька, двух месяцев всей жизни-то!